

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Время читать заклятье

Охотница на ведьм

Охотница на ведьм

Екатерина Савина

Время читать заклятье

«Научная книга»

Савина Е. И.

Время читать заклятье / Е. И. Савина — «Научная книга»,
— (Охотница на ведьм)

Третий — лишний. Особенно, если первые два — криминальные авторитеты, которые, по уговору между собой, разделили сферы влияния. Но кто-то смешал им все карты. Незвестный, на свою беду, оказывается личным врагом экстрасенса Ольги Калиновой. Для нее этот поединок идет не только в обыденной реальности, но и в астральных сферах...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Екатерина Савина

Время читать заклатье

Глава 1

Я шла по серебристому небосводу, которого, конечно, никогда не было. Переливающаяся холодным светом поверхность слегка пружинила под моими ногами; и время от времени, опуская глаза вниз, я представляла себе, что иду по быстрой северной речке, пузырящейся миллионами рыбьих спин, металлически поблескивающих под тусклым солнцем.

Космос был вокруг меня и во мне. Гудящие струи энергии свободно проходили сквозь мое тело, изгибались где-то в неведомых глубинах необъятной Вселенной и, принимая форму понятного во многих галактиках знака бесконечности, возвращались обратно – чтобы вновь насытить ту субстанцию, которая называлась в этом измерении моим телом, несокрушимой космической силой...

Когда странная действительность, окружавшая меня, начала туманиться и блекнуть, я открыла глаза и медленно вдохнула немного прогорклый воздух.

Еще минуту я оставалась неподвижной, затем поднялась со стула, подошла к небольшому кухонному окну (я жила в доме с квартирами совершенно допотопной планировки) и открыла форточку.

Ну, конечно, субботний пирог, который я поставила в духовку полчаса назад, уже начал пригорать. Сколько раз обещаю себе вызвать мастера, чтобы он починил мне плиты и все время забываю.

Подышав немного утренним прохладным воздухом, я, забывшись на секунду, сладко потянулась. Тут же – с сухим треском остановились настенные часы, моя черная кошка Мышка с оглушительным мявом кинулась прочь из кухни, тарелки на посудной полке задребезжали, будто кто-то прикоснулся к полке оголенным электрическим проводом.

Вот черт... Ну, сколько раз я говорила себе – что нельзя расслабляться после сеанса астральной гимнастики, к которому я прибегаю почти каждое утро – несколько часов после сеанса мое тело просто переполняет космическая энергия и не держать эту энергию под контролем – опасно для окружающих...

Да...

Я усмехнулась и прошла в прихожую. Остановилась перед большим – от пола до потолка – зеркалом.

«Здравствуйте, Ольга Антоновна, – сказала я своему отражению, – доброе утро».

Поверхность зеркала еле заметно завибрировала. Ну вот опять... Я отошла на несколько шагов и вздохнула. Н-да... быть человеком, обладающим исключительным эстрасенсорным даром, не так-то легко. Приходится всегда следить за собой. Мои возможности огромны и, конечно, почти совершенно безопасны для окружающих. Но что будет, если вся энергия, которой я обладаю, вырвется наружу?..

Совершенно не представляю...

Звонок в дверь прервал мои размышления. Немедленно вспомнив о том, что моя лучшая подруга – Даша – для которой, собственно, я и готовила сегодня пирог, обещала зайти ко мне утром, я бросилась открывать дверь.

– А вот еще... В газете напечатали объявление – «Куплю инвалидную коляску и фильтры... для базара...» Ха-га!

Говоривший – мужичок небольшого роста, но замечательно крепкий и мускулистый в расстегнутой пляжной рубашке и с огромным золотым крестом на жилистой шее – коротко хохотнул и поднял на своего собеседника маленькие и удивительно цепкие глазки.

– Ладно, – нисколько даже не улыбнувшись, отвечал ему громадных размеров кавказец в косматой папахе – настолько высокой, что верх ее совершенно терялся в синих облаках табачного дыма, медленно сляющихся под низким потолком полутемной ресторанной кабинки-люкс, – хватит анекдотов, Славик. Ведь ты не анекдоты слушать меня позвал сюда, а? И не водку пить.

– Водка – разговору не помеха, – быстро ответил тот, кого кавказец назвал Славиком, – давай-ка еще по одной, а потом и начнем базар.

Славик стремительно подался вперед, поднял с сервированного на двоих столика две рюмки водки и одну из них подал через весь стол кавказцу.

– Давай-ка, Армен... – повторил он.

Кавказец Армен принял рюмку, молча кивнул Славiku и опрокинул в себя водку. Славик, проследив, чтобы его собеседник выпил, шумно выдохнул и, проглотив содержимое своей рюмки, резко дернул кадыком, так что массивный крест качнулся на его шее.

– Говори, – проведя ладонью по черным, как мокрая земля, усам, сказал кавказец, – зачем звал?

Славик медленно отставил в сторону пустую рюмку, достал сигарету из лежащей перед ним на столе пачки и неторопливо закурил.

– Вот скажи мне, Армен, – начал он, выдохнув в потолок струю сизого дыма, – кто ты есть такой?

– То есть? – нахмурился кавказец. – Не понял вопроса.

– Ну... – Славик неопределенно повертел в продыmlенном воздухе руками. – Кто ты?

– Человек, – подумав, ответил кавказец, – Армен, – добавил он.

– Это понятно, что человек, и что тебя Арменом зовут, – не дав ему договорить, сказал Славик, – а чем ты по жизни занимаешься?

Армен усмехнулся и, прежде чем ответить на такой, казалось бы, совсем простой вопрос, помедлил минуту.

– Бизнесом, – проговорил он наконец и подмигнул с готовностью расхохотавшемуся Славiku.

– Все мы занимаемся бизнесом, – неожиданно оборвав свой смех и посерьезнев, сказал Славик, – но... Армен, мы здесь одни... Давай разговаривать, как мужчина с мужчиной...

Армен так же серьезно кивнул.

– И я знаю, и ты знаешь, – продолжал Славик, – что бизнес у нас с тобой один. Я – вор в законе, и ты – вор в законе. Мы живем дружно, без войны уже два года... Правильно я говорю?

Армен снова кивнул.

– Сильнее нас в городе нет никого, – затянувшись, проговорил Славик, – и мы дружим. Это хорошо? – спросил он и сам же ответил себе. – Это хорошо. Пока мы дружим, нам никто не страшен. Но последнее время меня беспокоит один человек...

– Кто это? – нахмурился Армен. – Ты меня знаешь, Славик, я твой друг. А если я твой друг, значит, твой враг – это мой враг.

– Ты его знаешь, – ответил Славик, – его имя – Захар.

Армен неопределенно покачал головой.

– Почему он тебя беспокоит, Славик, дорогой? – спросил Армен. – Просто ненормальный. Он ни на что не претендует, и ни со мной, ни с тобой враждовать не собирается. Крутит дела, делает бабки. Чем он тебе помешал? Может, он наехал на тебя?

– Нет, – ответил Славик, – не наехал. Пока. Но вот посмотри, что получается – ты в законе и я в законе. Мы держим этот город, у нас – вся братва, у нас все бабки. Так?

– Так...

– А кто такой Захар?

Армен пожал плечами.

– Он мне не мешает и я его не трогаю, – ответил кавказец, – наоборот, когда ему требуются мои ребята, я всегда готов помочь... А Захар бабки платит хорошие за работу.

– Я спросил – кто такой Захар? – жестче повторил свой вопрос Славик и, не дождавшись, ответил сам. – Не знаешь? – и когда Армен отрицательно покачал своей папашой, продолжил. – Вот и я не знаю, кто он такой. И никто не знает. Появился в городе несколько лет назад, сразу собрал каких-то отморожков, организовал что-то вроде секты. Все члены секты – сынки и дочки богатых родителей. Вот Захар и тянул свои бабки. Потом его накрыли, потом он снова что-то такое замутил, потом еще и еще... Своих пацанов у него нет, у него вообще ничего нет, но откуда он берет сведения? Как он... Как он вообще действует? Знаешь, чего я не понимаю? – понизив голос до шепота, спросил Славик, перегнувшись через стол. – В чем его сила? Наша сила в братках и бабках. А его? Бабки... это ладно... Бабок у него полно, но ведь он откуда-то их гребет? Черт! – вдруг выкрикнул Славик. – Не нравится мне этот человек, потому что я его понять не могу. А последнее время, он к братве подбирается все ближе и ближе. Со всеми дружить хочет. Скоро и до самой верхушки доберется – то есть до нас. Понимаешь?

– Нет, – проговорил кавказец Армен, – ничего не понимаю. Если он не наезжает, войны не хочет, а дружить хочет – чего ты беспокоишься? Какая разница, чем он бабки себе зарабатывает? Мы хорошим людям всегда рады. Как говорится, я тебе, ты мне. Все на Кавказе так поступают. Всем так надо поступать...

– Да погоди ты! – махнул на Армена Славик мускулистой рукой. – Я тебе, ты мне... Как ты понять не можешь?! Захар темный человек... – Славик замолчал и еще повторил явно понравившееся ему определение, – он – темный человек. Я его не понимаю, но чувствую в нем силу. А что будет, если он завтра обернется против нас?

– Что ты такое говоришь, Славик, дорогой! – взмахнул руками Армен. – Как так? Да мы весь город держим! Никто не посмеет на нас наехать. Ни один нормальный человек говорить даже громко не будет, когда рядом я буду... или ты будешь...

– То-то и оно, – мрачно буркнул Славик, разливая по рюмкам водку, – нормальный человек... А ты же сам Захар называл ненормальным.

– Я? – удивился Армен. – Ну да... Выскочило...

– Выскочило... – передразнил Славик. – Вот тебе мое слово, Армен. Захар – темный человек. Он мне не нравится, и я с ним дружить не буду. И тебе не советую. Но ты и сам понимаешь – если ты Захара поддержишь, а я нет, размолвка у нас начнется. А это – почти верняк – война. Вот век воли... Хочешь войны, Армен?

– Что ты говоришь! – снова всплеснул руками кавказец. – Нет, не надо войны. Да и из-за кого война? Из-за этого ненормального? Брось, Славик, дорогой! Плюнь, забудь про него совсем!

Славик задумчиво теребил свой золотой крест.

– Не-ет, Армен, – заговорил он, – я привык дела делать с реальными пацанами. Теми, которые и за базар отвечают и... теми, которые у меня как на ладони... – Славик сунул Армену под горбатый нос свою ладонь, – а Захара я не понимаю. Да еще и слухи эти...

– Какие слухи? – поинтересовался Армен.

– О том, что Захар – колдун, о том, что он свои денежки делает с помощью магии или там... гипнозов всяких. Неужели не слышал?

– Вах, слышал! – рассмеялся Армен. – Да ты веришь, Славик, дорогой? Просто люди завидуют Захару и говорят всякое...

– Ну нет... – качнул головой Славик, – люди зря говорить на будут. И потом... дыма без огня, как ты сам знаешь, не бывает... Давай еще по одной.

Чокнувшись, они выпили.

– Так что решать будем, Армен? – спросил Славик, прожевав сардинку. – С Захаром-то?

– А что решать? – пожал плечами Армен. – Мне все равно. Захар меня не интересует. В дела мои не лезет, ну и... Делай с ним, что хочешь.

– А если что-нибудь такое... – цепкие глазки Славика словно буравили Армена, – если что-нибудь такое закрутится, ты впряжешься за меня?

– Вах, какие разговоры! – воскликнул Армен. – Конечно. Мы же друзья, Славик, дорогой.

– Вот и ништяк, – удовлетворенно проговорил Славик, – вот и пришел Захару абзац.

– Когда хочешь сделать? – деловито спросил Армен. – Завтра, послезавтра?

Славик недоуменно глянул на Армена и слегка усмехнулся.

– Что ты, Армен, дорогой, – сказал он, – валить я его не буду. Я же не беспредельщик. Да и он тоже – не мелочь какая. Связи он приподнял последнее время реальные. Если его втихую замочить, то шухер поднимется. Лучше так – пускай нам со своих дел лавэ отстегивает. А процент ему завернем такой, что... Сам повесится. А? И по понятиям, и сурово... Короче, – подытожил Славик, – поставим этого колдуна на такие бабки, которые ему никогда не выплатить. Ну а потом уже – по закону и валить его можно. А?

– Очень хорошо придумал, – приложив к груди волосатую лапищу, искренне проговорил Армен, – умная у тебя голова, Славик, дорогой, очень умная... И мне бабки, и тебе бабки, а ему... – он рассмеялся.

– Только найти его надо сначала, – проговорил Славик негромко, обращаясь уже вроде не к своему собеседнику, а к самому себе, – найти бы его, потолковать конкретно и все. Так поможешь, Армен?

– Нет базара.

– Вот и договорились, – сказал Славик и звучным хлопком в ладоши обрубил нить серьезного разговора, – а вот я тебе еще анекдот расскажу. Только под водочку, а? Пока наливай, а я... Значит, встречаются прокурор и следователь...

* * *

– Вот вы выйдете! Вы только во двор спуститесь и все сразу увидите! – разорвался Васик, размахивая руками и лапами кожаного пиджака, похожими на крылья черной курицы. – Нет, вы только одним глазком посмотрите и вам все сразу станет ясно!

– Да что нам должно... стать ясным? – удалось, наконец, вставить слово Даше.

– А вот спустись вниз и тогда узнаешь! – громогласно заявил Васик.

– Слушай, прикрой дверь, пожалуйста, – попросила я Васику, – всех соседей переполошишь моих. Ввалился и орет на пороге, как резаный.

– Дверь я не закрою, – твердо проговорил Васик, – потому что... незачем. Я к тебе, Ольга, приехал специально, чтобы показать. И знал, что Дашку здесь застану... Я специально ехал к вам через весь город, чтобы показать, а вы теперь как эти...

Мы с Дашей переглянулись. У нее в руке все еще дымилось чашка ароматного кофе – мы кофе пили, когда ворвался Васик и начал неразборчиво орать что-то... нечленораздельное...

– Да что ты нам собрался показывать? – переспросила Даша. – Скажи нормально, не ори. Я вообще ничего не понимаю.

Васик присел на корточки, потом резко выпрямился, взмахнув длинными руками, помотал патлатой головой, криво ухмыльнулся, но потом все-таки заговорил:

– Какие же вы... глупые... обе. Я уже сколько здесь стою и талдычу вам, что мне батя тачану новую купил! Такая тачка – блеск! Стоит внизу – я на ней и приехал. Я вам и говорю – спуститесь вниз и сами все увидите!

– А из окна ее не видно будет? – осведомилась Даша.

– Из окна?! – возмутился Васик. – Кто же на такую тачку в окно смотрит? Пошли вниз, нечего тут разговаривать... Бросай свой кофе и айда!..

Делать было нечего. Мы с Дашей наскоро оделись и спустились вслед за беспрерывно вскрикивающим и размахивающим руками Васиком во двор.

Выбежав из подъезда, Васик остановился и, указав рукой, торжественно произнес:

– Вот. Смотрите – завидуйте!

– Ничего себе, – сказала немного удивленно Даша, – и сколько же такая радость может стоить?

– Миллион, – предположила я, – или два. Долларов, конечно...

– Смотрите, смотрите, – довольно улыбаясь, кивал нам Васик.

Посмотреть, действительно, было на что. Автомобиль, наискось перегородивший проход к крыльцу подъезда моего дома, словно сошел с глянцевого обложки заморского журнала для автолюбителей – по крайней мере, подобных машин я на улицах города никогда не видела. Больше всего новая игрушка Васи напоминала звездолет из какого-нибудь фантастического блокбастера.

– Ламборджини... – почему-то шепотом сказал Васик, – последняя модель. В России только две таких. Стоит – на самом деле – уйму денег, но... кажется, она того стоит. Меня даже гаишники бояться останавливать. Пока к вам ехал, ни один не пристал, хотя обычно...

Прервав себя на полуслове, он замолчал. Подошел к автомобилю и осторожно похлопал его ладонью по капоту. Потом, спохватившись, низко склонился, дыхнул на едва заметное пятно, оставшееся от прикосновения и тщательно протер капот полкой пиджака.

– Н-да, – снова проговорила Даша, – машина – первый класс, что и говорить...

Обтекаемый корпус автомобиля сиял зеркальным светом под лучами уже тускневшего осеннего солнца, тонированные стекла загадочно поблескивали. Васик извлек из кармана ключи и пикинул крохотным брелоком, отключая сигнализацию.

– Прокатимся? – предложил он голосом, в котором, вместо предполагаемой небрежности ясно подрагивала неумная радость и совсем детская восторженная гордость.

– А как же! – согласилась Даша. – В таком-то автомобиле. Мои родители – люди тоже не бедные, но даже они, по-моему, не смогли бы позволить приобрести такое... Я удивляюсь, как твой папаша позволил тебе водить эту прелесть. Ведь ты же завтра нажрешься и разобьешь к чертовой матери. Ты ведь Васик того... алкоголик...

– Я? – возмущенно воскликнул Васик, будто его обвинили по меньшей мере в убийстве. – Да ты что! Между прочим, меня полгода в Швейцарии лечили от моего... позорного недуга. Принудительно. Я – как в Россию вернулся – вообще не пью. Почти... ничего, кроме водки... А батя мне этот драндулет потому и купил, что думал – я побоюсь за рулем теперь пить.

– Это хорошо, – сказала я.

– Куда уж лучше! – фыркнул Васик. – Помните, как в прошлом году, когда мы в Китай летали, меня на вокзале какой-то узкоглазый целитель заколдовал от пьянства? Я тогда целую неделю не пил. Чуть не умер. Зато потом, конечно, разговелся...

– Когда тебя какой-то бомж вылечил самогоном с пятидесятипроцентной примесью карбида, – поддакнула я, – помню, помню. Как не помнить. Такое не забывается...

– Это точно, – негромко проговорила Даша, – события того времени забыть трудно...

На несколько минут воцарилась неловкая тишина. Зря Васик завел разговор о нашей прошлогодней поездке в Китай. Лучше бы нам всем троим не вспоминать, о том, что нам пришлось пережить тогда...

Тогда, когда на моем жизненном пути снова возник этот ужасный человек – Захар. Мой смертный враг. Человек, убивший мою родную сестру-близнеца и поклявшийся, покончить также и со мной...

* * *

Три года назад, когда я еще не жила в Москве, а жила в маленьком провинциальном городке – Тарасове – как-то вечером домой мне позвонили из убойного отдела такого-то района Москвы и попросили срочно приехать в столицу. Я, конечно, удивилась и встревожилась. Встревожилась больше, чем удивилась – тотчас выкрикнула в трубку требование объяснить все это – у меня даже на мгновение мелькнула мысль – а не глупая ли это чья-нибудь шутка.

Но потом оказалось, что вовсе это не шутка. Мне сказали и причину вызова – день назад в своей квартире была застрелена моя сестра Наталья, совсем недавно уехавшая от меня в Москву в поисках лучшей жизни.

Несколько дней спустя выяснилось, что Наталью застрелил профессиональный киллер, а такие преступления обычно не раскрываются. Мне так и сказал опер – что вероятность раскрытия этого преступления – два-три процента.

Но мне удалось разобраться во всем этом запутанном деле – как оказалось, моя сестра-близнец Наталья была членом Общества поклонников Сатаны, как и, кстати говоря, Васик Дылда и Даша. Отцом Общества был тот самый Захар – жуткой внешности человек, и в самом деле похожий на выходца из потустороннего мира. Сначала я думала, что это Общество – просто-напросто сборище богатых бездельников, которых увлекла идея тайной организации, наркотические шабаши и яркие проповеди Захара, почитаемого ими за могущественного колдуна.

Позже выяснилось, что я ошибалась.

Захар и вправду обладал исключительными экстрасенсорными способностями и мог при случае продемонстрировать опьяненным наркотиками юнцам какую-нибудь псевдо-колдовскую штуку. Но на самом деле занимался он куда более серьезными делами, чем охмурением молодых столичных балбесов и вытягиванием из них денег – процедура эта напоминала что-то вроде сдачи членских взносов.

Захар был связан с многочисленными преступными группировками Москвы и крутил с ними дела, которые безусловно выходили за рамки, установленные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В этой его преступной деятельности ему очень помогали средства, выкачанные из членов созданного им Общества и его экстрасенсорные способности.

Захар и заказал киллеру мою сестру. О том, почему он это сделал, я узнала в самом конце всей этой запутанной и жуткой истории. Оказалось, что Наталья, так же, как и сам Захар, обладает экстрасенсорными способностями, унаследованными ею от нашей прабабушки Поли, которую на селе называли ведуньей. Захар помог Наталье раскрыть эти ее способности и намеревался с их помощью укрепить свою власть.

Но Наталья неожиданно отказалась связываться с темной деятельностью Захара, и тогда он...

Трудно было отыскать убийцу моей сестры, но у меня в конце концов все получилось, К тому же – я обнаружила, что такие же экстрасенсорные способности, какие были у моей сестры, есть у меня – мы же с ней одинаковые. Правда, полностью разобраться в своих возможностях я еще не успела – и думаю, что вряд ли в полной мере мне это удастся до самого конца моей жизни, но многое я уже умею – проникать в сознание окружающих меня людей, воздействовать на сознание, получая таким образом власть над людьми, ну и... еще кое-какие возможности дают мне мои исключительные экстрасенсорные способности.

О Захаре мы ничего не слышали, примерно, год. И век бы про него не слышать, но мне последнее время не дает покоя одно странное чувство – время последней и решающей моей битвы с Захаром – близится...

* * *

Я мотнула головой и поморщилась. Все-таки не давала мне покоя эта мысль – о том, что...

– Ну как? – спросил Васик. – Поехали?

– Десятый раз спрашиваешь, – отозвалась с заднего сиденья Даша. – Поехали, конечно.

– А куда? – поинтересовался Васик, любовно разглядывая в зеркальце салона автомобиля собственное отражение.

– В центр, – сказала я, – мне как раз нужно сумочку купить. Да и еще деловая встреча одна.

– Деловая? – удивился Васик. – Это как же?

– Деловая – значит, по работе, – объяснила я.

– Сейчас же суббота, – напомнила Даша, – какая может быть работа.

Я вздохнула. Васик и Даша – были детьми довольно состоятельных родителей. Настолько состоятельных, что могли позволить себе не работать. И не работали, хотя оба получили более чем престижное образование. Даша еще стремилась куда-то устроиться, правда, пока не находила себе занятия по душе, а вот Васик...

Его отец – Николай Николаевич – довольно известный в столице – да и по всей стране – коммерсант – все пытался пристроить своего непутевого сына в какой-нибудь захолустный филиал одной из своих многочисленных фирм, но Васик упорно отказывался от всякой трудовой деятельности.

Совсем недавно Николай Николаевич наконец устал от своих безуспешных попыток наставить Васику на путь истинный и предоставил последнего самому себе; очевидно, покупка супер-автомобиля было последним отчаянным усилием разбудить в Васике нежные сыновние чувства.

– В центр, так в центр, – качнул Васик головой, заводя мотор, – прямо удивляюсь я на тебя, Ольга, – добавил он, – разве можно так напрягаться? Работаешь и работаешь – даже в выходные.

– Волка ноги кормят, – сказала я, – работа у меня такая... Как говорится – как потопаешь, то и полопаешь. Я ведь – рекламный агент.

Я опять мотнула головой.

– Чего ты? – с удивлением спросила Даша. – Головой трясешь?

– Шея болит, – объяснила я, а Васик сказал на это:

– А-а...

Не буду же я рассказывать моим друзьям о том, что почти сразу же, как я только увидела новый автомобиль Васику, меня кольнуло нехорошее предчувствие. Что-то должно было случиться – так казалось мне – что-то опасное... Но ощущение было настолько неясным и плохо осознанным, что я вовсе не была уверена в нем.

Только вот – словно тупой иглой – иногда покалывало меня куда-то в область затылка.

– Па-а-ехали-и!

Васик развернул свой чудо-автомобиль, и мы плавно выкатили из двора моего дома.

– А то – выходи за меня замуж, – весело предложил мне вдруг Васик, – тебе и работать не надо будет. Будешь жить, как это... Как у Христа за пазухой. И предки мои обрадуются... – Васик хихикнул, – батя подумает – что, если я женился, то за ум возьмусь.

– Если я не ошибаюсь, – заметила я, – неделю назад ты предлагал Даше... руку и сердце.

Васик смущенно замолчал.

– В десятый раз, – отозвалась Даша, – за последний месяц. Он как нажрется, так и давай... появляются у него всякие бредовые идеи. Зачем тебе жениться, Васик? Тебе самому еще нянька нужна.

Васик прокашлялся и озабоченно уставился на дорогу перед собой.

* * *

Петру Ивановичу Федорову почему-то вспомнились те времена, когда он еще считался бизнесменом средней руки.

«Что за странное выражение, – подумал Петр Иванович, рассеянно глядя на выкручивавшего руль шофера, – бизнесмен средней руки... Есть рука правая, а есть рука левая... А средняя рука – это что?»

Тут в голову Петра Ивановича полезли смутные, но не совсем пристойные ассоциации – и он усмехнулся.

– Витька! – скомандовал он шоферу. – А ну потише гони! Сто раз уже говорил – тише едешь дальше будешь.

– Нормальная скорость, – отреагировал шофер Витька, – всегда так ездим...

– Скорость, – наставительно произнес Петр Иванович, – должна быть такая, чтобы на ней можно было добраться только на определенное место назначения. А не в больницу. И не в морг... не дай бог, конечно...

Шофер пожал плечами и снизил скорость.

– Вот так, – удовлетворенно проговорил Петр Иванович, – теперь – как из города выедем, сразу направо. Там перекресток будет. За КП ГИБДД. Вон, видишь, виднеется? Огоньки горят.

– Ага, – кивнул шофер. Наверное, он хотел сказать, что-то еще, но осекся.

– Чего ты? – заметил Петр Иванович.

– Ничего, – ответил Витька, – только...

– Что – только?

– Вы вот, Петр Иванович, все осторожничаєте, – решился наконец заговорить шофер Витька, – то скорость вам не та, то еще... А такого, чтобы вы на деловую встречу едете – в половину двенадцатого ночи, да еще куда-то, черт знает куда – за город – такого я еще не припомню. А ведь у вас – считай – пятый год служу.

– Не твоего ума дело, – проворчал Петр Иванович, – знай себе – крути баранку и помалкивай.

– Я бы помалкивал, – продолжал Витька, – но мне ваша супруга – Римма Михайловна – все уши прожужжала. Чтобы я берег вас и за вами следил. Чтобы ничего не это самое... Каждый день столько денег по банкам проворачиваете, а охранника нанять скупитесь.

Петр Иванович недовольно нахмурился. Был он человек очень и очень состоятельный, но – надо отметить – несколько прижимистый.

– Не твое дело, – снова сказал он, – ох и разговорчивый ты стал. На пенсию захотел.

– Нет, – быстро ответил Витька, – мне на пенсию еще рано. Мне пятьдесят один только... в январе стукнет. А я еще – ого-го. Недавно, с магазина шел – пристали два хмыря каких-то. Спросили прикурить, а сами к барсетке моей прицеливаются... Ну я дожидаться не стал, пока они первые... Ломанул одному, потом второму. А когда первый поднялся я ему ключами от гаража промеж глаз засветил, так он даже крикнуть не успел...

– Ну вот, – усмехнулся Петр Иванович, – а говоришь, мне охранник нужен. Ты лучше любого охранника будешь. Если проблемы какие...

– Так то – шантрапа местная! – воскликнул Витька. – А теперь столько бандитов развелось. Чуть ли не на танках по Москве катаются. Беспредельщики...

– Не болтай! – строго приказал Петр Иванович. – Это раньше беспредел был, а теперь – рынок. Кому надо отстегнул и все в порядке. Ни одна сямка залупаться не будет. Да и кого мне бояться-то? Врагов у меня нет, со всеми я дружу... В городе меня хорошо знают, опять же...

– А вот Римма Михайловна – супруга ваша... – начал было Витька.

– Моя супруга Римма Михайловна, – оборвал своего шофера Петр Иванович, – дура просто. И чего я женился на ней? Поторопился. Денег хотел легких. Ее папашка через год после свадьбы обанкротился. А через три года у меня уже столько бабок было, что я мог бы и на этой... Синди Кроуфорд жениться. Ну, не на Синди Кроуфорд, а на какой-нибудь такой тоже...

Петр Иванович за мгновение зажмурился и сладко причмокнул пухлыми губами.

Шофер Витька дождался еще несколько минут и, когда автомобиль, за рулем которого он сидел, пролетел страшненькое кирпичное здание КП ГИБДД и свернул в указанном Петром Ивановичем направлении, заговорил снова:

– Вы вот, Петр Иванович, хоть и говорили мне, чтобы я молчком, про эту вашу сегодняшнюю странную деловую встречу, я все-таки Римме Михайловне...

– Что-о?! – взревел Петр Иванович. – Чего ты Риммке плел, мудак?

– Да ничего! – с явной досадой в голосе проговорил шофер Витька. – Хотел сказать, да как-то... язык не повернулся. Она все-таки жена ваша. Она беспокоится. А вы ввязались в какую-то...

– Никуда я не ввязывался, – Петр Иванович, узнав, что Витька его жене ничего не говорил, успокоился так же внезапно, как и взбесился, – и чего ты суешь свой нос куда не надо, а? Просто сделка, на которую мы сейчас едем, немного того... секретная. Вот и место потому выбрано глухое – ночью и за городом.

– Как будто в городе укромных местечек нельзя было найти, – негромко сказал Витька, – да и днем как будто нельзя посидеть и поговорить.

– Нельзя! – снова рявкнул Петр Иванович. – ты заткнешься или нет? Не твое же дело! Рулишь, вот и рули себе. А то заладил, как попугай, одно и тоже...

«Ну да, – хотел сказать вслух шофер Витька, но не сказал, – угрожают тебя, дурака, на кого мне тогда работать? В грузчики идти? По специальности вряд ли придется еще – годы не те. Да и меня за компанию могут положить рядышком – очень просто. Как свидетеля. Ведь ежу понятно, что вклепался мой Петр Иванович в какой-то криминал и вылезать не хочет. Жадный до денег. Наверное, наобещали ему с три короба, он уже от жадности и белого света на видит. А зачем ему деньги? Сам полтинник давно разменял, всего, чего он наворотил за последние годы, ему на всю оставшуюся жизнь хватит с лихвой. Куда ж ему еще? В могилу с собой денег не возьмешь... А мне тоже помирать неохота. Семья, дочка вон рожать собралась, стерва малолетняя...»

Тут мысли шофера Витьки заструились в очень неприятном для него направлении и чтобы от них избавиться, он энергично помотал головой.

– Головой машет, – долетел до него с заднего сиденья недовольный голос Петра Ивановича, – ты, Витек, часом не выпил, а? Несешь ерунду какую-то, головой махать стал, как мерин.

– Не выпил, – ответил Витька, – там еще один перекресток впереди. Куда теперь?

– Налево, – скомандовал Петр Иванович, – налево и... потом постоянно прямо. Там должен быть поселок дачный.

Очень скоро автомобиль Петра Ивановича въехал на территорию искомого дачного поселка.

– Вот так дачи, – просипел Витька, снизив скорость и оглядевшись, – развалюхи какие-то. И окна ни в одной не горят. Куда мы приехали-то?

– Заброшенный поселок потому-что, – рассеянно проговорил Петр Иванович, припавший лицом к стеклу, – во-он туда давай. Вон, видишь, где костерок горит? Да, да... За забором из железных реечек. Сворачивай.

Глава 2

Вообще-то я не просто рекламный агент. То есть – агент, то я агент, но, так сказать... специфический.

Однако, обо всем – по порядку.

Поселившись в Москве, я и работу нашла себе – подобную той, какой занималась в своем родном городке. Если раньше я была рекламным агентом в местной газетке, то сейчас, занимая примерно такую же должность, я пышно именовалась – менеджер-агент по размещению рекламы. А контора, где я теперь работала, называлась – рекламное агентство «Алькор».

Обязанности мои состояли в том, что я с утра до вечера носилась по городу со списком адресов фирм, который составил мне мой непосредственный начальник. Директора и президенты, означенных в списке фирм, были уже осведомлены о моем предстоящем визите (ранее они обращались в наше агентство и оставляли заказ на изготовление для них логотипа фирмы, рекламного ролика и тому подобной ерунды).

Все-таки, реклама, а в особенности – логотип – визитная карточка фирмы.

Большее половины директоров и президентов вообще не знали, что они хотели бы увидеть в рекламном ролике, на рекламном плакате или в рекламном тексте, помещенном на специальной страничке периодического издания. Тогда мне приходилось довольно долго сидеть с ними, выпрашивать о специфике фирмы и даже – разговаривать на совсем отвлеченные темы – чтобы понять, как составить рекламный продукт таким образом, чтобы он смог удовлетворить заказчика.

Довольно трудная работенка, учитывая еще то, что директора фирм – особенно уже пожилые и заплывшие заслуженным жирком – поговорив со мной о том, о сем, ни с того ни с сего вдруг начинали смотреть на меня не как на делового партнера, а как на женщину, с которой неплохо было бы познакомиться, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Видимо, их сбивала с толку неофициальность беседы, которой я пользовалась для того, чтобы узнать заказчика рекламы получше и преподнести соответствующий его вкусу продукт.

Намного проще и легче было работать с бизнесменами, четко представляющими себе – что они хотят от нашего рекламного агентства.

Такие не кликали секретарш с чаем и бутербродами, не предлагали заговорщицким шепотом коньячку из сейфов, а быстро и доступно излагали свои требования, и мне оставалось только записать все то, что они говорили, и вечером в конторе передать все впечатления и расшифровку своей записи ребятам из отдела изготовителей рекламы.

Вот в чем заключалась моя работа.

Не знаю, может быть, суматошная Москва на меня так подействовала или еще что, но с почти сразу же – с первых месяцев своей работы я перестала удовлетворяться ролью только поставщика информации, стала часто забегать в другие отделы нашей конторы, разговаривать с мастерами на профессиональные темы, и даже представила несколько толковых сценариев для рекламного ролика. Один из сценариев приняли и, немного переработав, сняли по нему ролик. А я получила премию. Небольшую, правда, но ведь дело было вовсе не в деньгах – а в том, что я убедилась в своей компетентности.

Дальше – больше. Мне стали доверять написание сценариев – и я в одном лице представляла агента и криэйтора (так называют создателей рекламных текстов). А с недавнего времени я стала уже пытаться разрабатывать и рекламные концепции, то есть – поднялась на еще один уровень по лестнице профессионального мастерства. Как говорится, пошла в гору.

Конечно, мне теперь уже вовсе не вменялось в обязанности гоняться по городу в поисках рекламодателей, но я привыкла, чтобы с самого начала вверенное мне дело находилось у

меня целиком. Наша директор не раз предлагала мне личный кабинет в пользование и группу копирайтеров в подчинение, но я отказывалась. Пока.

Да проще мне так было гораздо – зачем использовать посредника, если все можно сделать самой – и найти рекламодателя и поговорить с ним – и выяснить, что ему, собственно, нужно от нашего рекламного агентства.

Тем более, в таком важном деле, которое предстояло мне сегодня – из-за которого я пожертвовала своим выходным. В наше рекламное агентство обратилась начинающая фирма, занимающаяся торговлей автомобилями. Хотя фирма была и начинающей, но работала она от лица довольно крупного западного производителя и, следовательно, представляла собой очень даже перспективного клиента.

Насколько я поняла, мне нужно было ознакомиться с рекламной концепцией западной фирмы-производителя, от лица которой работала отечественная фирма «Спешл-авто» – и адаптировать эту самую концепцию под особенности российского потребителя. Проще говоря – подогнать под рамки русского менталитета. Задание, что и говорить, непростое. Начальство, когда поручало мне его, дало понять, что это – своего рода экзамен, сдав который, я получу прекрасные возможности для дальнейшего карьерного роста.

Как раз, в тот момент, когда мы с Дашей пили кофе, я и обдумывала предстоящий сегодня разговор с представителем фирмы – и не только разговор – одежду, внешний вид и манеру поведения.

А тут и Васик подрос со своей новой игрушкой. Ну вот и хорошо, не нужно будет тратиться на такси.

* * *

Сумочку себе я так и не купила. Васик резво нарезал круги по центру города и, останавливаясь на светофорах с таким трогательным детским чванством смотрел из окна своего чудо-автомобиля на водителей стоявших рядом машин, что мне просто жалко было просить его притормозить у какого-нибудь супермаркета. И, лишь когда подошло время назначенной мне встречи, я назвала ему нужный мне адрес.

– Вмиг домчим! – уверил он. – За пять минут будем на месте!

– Васик, только не гони, – попросила Даша, – хоть машина и не моя, но она такая... что мне самой, наверное, очень неприятно будет, если ты влетишь в какой-нибудь случайный фонарный столб.

– Я? – возмутился Васик. – Не построили еще такой фонарный столб, в который я бы влетел! Я же водитель с... с... большим стажем...

– Употребления алкогольных напитков, – закончила за него я, – ты, Василий, и правда, поосторожнее за рулем, а то... Мне бы не хотелось попасть в больницу. В то время, когда мне назначена такая важная встреча. И насчет столба ты тоже зря говоришь – кто месяц назад протаранил автобус с делегацией из Средней Азии?

– Так то ж я на другой машине был, – пояснил Васик, – и пьяный еще. А эти чурки мне из окна махали тюбетейками и кричали – «салага», «салага...» Ну я и...

– Наверное, они тебе не «салага» кричали, а «салам», – предположила Даша, – это у них такое приветствие – ничего обидного в этом нет. И незачем было автобус калечить.

– Я не хотел автобус калечить, – сказал Васик, мягко сбрасывая скорость на очередном повороте, – я хотел их просто того... поугубить. А получилось. Ну, выпил же я немного еще... А сейчас – уже другое дело. Сейчас у меня такая тачана, что я и сам смотрю, как бы мне кто в зад не въехал. И не пью. Давно уже не пил...

– Сколько? – поинтересовалась Даша.

Васик минуту пошевелил губами.

– Двадцать два часа, – гордо объявил он, – со вчерашнего дня.

– Да, – сказала я, – это круто. Человека такой силы воли я еще никогда не встречала.

– Смейтесь... – беззлобно откликнулся Васик, – смейтесь, смейтесь... А я вот покатаюсь недельку на этой тачке и, может быть, вообще пить брошу. А как пить брошу... делом займусь каким-нибудь... может быть...

– Не будем заглядывать в будущее, – сказала я, – между прочим, мы уже приехали. Вон у того здания притормози – с чугунным козырьком над подъездом.

– Ого! – удивился Васик. – Я и не заметил, как мы приехали. И за дорогой почти не следил – разговаривал. А точно по адресу... Это у меня подсознание сработало. Я, наверное, прирожденный водитель. Или нет... Я, наверное, тоже, как и Ольга – экстрасенс.

Даша довольно громко хмыкнула.

– Ну, может быть, и не экстрасенс, – легко согласился Васик, – и у нормальных людей бывают всякие... паранормальные заморочки. Вот я как-то раз нажрался, в ментовку попал, утром просыпаюсь на нарах в обезьяннике, а у меня в кармане куртки непочатая бутылка водки! Представляете? И самое главное – совершенно непонятно, как мусора не отобрали. Они же, падлы, всегда обыскивают. То бумажник, то мобильник из кармана стырят... А уж на спиртное-то у них такой нюх...

– Тормози! – закричала я. – Прирожденный водитель! Ты же два квартала уже лишних проехал!

* * *

Человек, который встречал Петра Ивановича у ворот дачи, был довольно высок, очень грузен и темнолиц. Шапка грязно-серых волос, неряшливо растрепанных в разные стороны будто бы сильным ветром, придавала ему удивительное сходство с привокзальным бомжем – и только довольно дорогой спортивный костюм, мобильный телефон последней модели, висящий на поясе толстяка и массивные золотые цепи на груди и запястьях – говорили о том, что их обладатель человек весьма и весьма состоятельный.

– Валентин Валентинович, здравствуйте! – прокричал Петр Иванович, выбираясь из своего автомобиля.

Грузный кивнул ему и проговорил тяжелым басом:

– И вам доброго здоровья, Петр Иванович. Как доехали?

– Нормально, – сказал Петр Иванович и оглянулся на шофера Витьку, который тоже покинул автомобиль и теперь во все глаза смотрел на странного собеседника своего босса, забыв о незажженной сигарете, которую он рассеянно перекачивал в пальцах.

– Машину-то... – проговорил Витька, – во двор загонять или как?

– Не нужно загонять машину во двор, – размеренно произнес Валентин Валентинович и поскреб оттопыренным большим пальцем затылок под своей невообразимой шевелюрой.

– Почему? – удивился Витька.

– По кочану! – снова обернулся к нему Петр Иванович. – Совсем ты, Витька, зарвался. Твое дело какое? Крутить баранку! Раз и навсегда запомни!

«Эге-ге! – замелькало в голове у шофера Витька. – А мой Иваныч-то нервничает. Раньше никогда так часто не срывался. А оно и понятно, почему нервничает – ночь на дворе, какая-то дача странная. Кругом – точно – ни одного человека нет километров на десять. Что же это такое, дорогие товарищи, происходит? А уж про его компаньона нового и вообще говорить не приходится – прямо бандюга. И рожа у него бандитская и вообще...»

– Ты, давай-ка... дружок, – заговорил вдруг «бандюга», и Витька вздрогнул, поняв, что тот обращается именно к нему, – садись обратно на свое место и уматывай. Времени мало, и ждать, пока ты здесь отсвечивать будешь, я не собираюсь.

Шофер Витька от неожиданности открыл рот.

– Пе-петр Иванович! – выговорил он. – Как же это?.. А кто вас обратно повезет?

– Я отвезу, – не дав ответить Петру Ивановичу, сказал «бандюга».

– Пе-петр Иванович...

– Ну, чего тебе еще! – рявкнул Петр Иванович. – Сказали – вали в гараж!

– А как же?..

– Не понял, что ли?

– А как же Римма Михайловна? – договорил-таки шофер Витька. – Что я ей скажу, если она мне позвонит и спросит, где вы?

– Куда она тебе позвонит – в гараж? – криво усмехнулся Петр Иванович. – Сиди в гараже, жди меня. Домой не суйся. Я через несколько часов приеду...

– Но как же...

– Петр Иванович, – прогудел «бандюга», – как это вы сотрудников так своих можете распускать? Мои подчиненные, не дослушав приказания, мчатся исполнять. А ваш... Он так до утра будет мяться. Непорядок. Ведь мы же с вами договаривались – только я и вы. И больше никого. Дело секретное.

– Я могу и здесь подождать, – угрюмо заявил Витька, – а вы в доме разговаривайте. Я тут и подожду в машине. Чего мне в гараж-то ехать?

Петр Иванович побагровел от гнева и притопнул ногой.

– Слышь ты... – придушенным голосом заговорил он, – если сейчас же не свалишь отсюда, завтра на хрен уволю. Понял, сволочь?

Шофер Витька колебался еще минуту – до тех пор пока «бандюга», которого Петр Иванович называл Валентином Валентиновичем, не проговорил, разведя руками:

– Ну, это несерьезно, Петр Иванович. Если вы не хотите со мной никакого дела иметь, так и скажите. Мне совсем не интересны подобные спектакли. В конце концов я могу и в театр сходить... – тогда Петр Иванович скроил такую злобную физиономию, что Витька решил больше не искушать судьбу и плюхнулся на свое место водителя, с силой захлопнув за собой дверцу.

«Ну и хрен с тобой!» – думал он, мчась обратно по пыльной проселочной дороге. – И даже хорошо, что меня отослали. Если там чего не так, то – мое дело сторона – меня не было и все... А Римме Михайловне все равно потом расскажу... Чтобы она ему взбучку устроила, старому козлу. Потом расскажу, не сейчас – а то, если у моего Иваныча сделка сорвется, он вообще меня – не то, что уволит, а убьет насмерть».

«Бандюга» Валентин Валентинович проводил взглядом уносящийся автомобиль и проговорил, обращаясь к Петру Ивановичу, неуверенно озирающемуся по сторонам:

– Ну что же, дорогой мой, пойдемте, поговорим. Дело, которое я вам хочу предложить, сулит просто баснословные барыши. Вы уж извините, что я такого туману напустил – пригласил вас в безлюдное место, шофера вашего отослал... Но ведь обычно как – чем меньше ушей, тем больше барышей. А? – он засмеялся, но тут же оборвал себя и заговорил серьезно:

– Значит, суть нашего дела в следующем...

– Да-да-да... – поддакнул Петр Иванович, семена за грузным «бандюгой».

Они подошли к костру.

– Ах, – неожиданно мягко вылепил губами «бандюга», – посмотрите, как искорки пляшут в огне... На поленьях. А поленья треща-ат...

Петр Иванович глянул в огонь.

* * *

На встречу я попала вовремя. Без трех минут шесть я уже стояла перед дюжим охранником, возвышавшимся над своей конторкой, как могучий утес над скованным штилем морем.

– Вы к кому? – коротко спросил он, едва шевельнув губами.

– Гольдман Михаил, – сказала я, – президент фирмы «Спешл-авто».

Охранник приподнял белесые брови и, склонив голову, оглядел меня с головы до ног. Потом оглянулся на пустынный коридор за своей спиной.

– Проходи, – усмехнулся он и провел огромной лапицей по рыжим усам, словно только что проглотил кусок аппетитного горячего пирога.

«Странно, – подумала я, – что это он так себя ведет? Как деревенский ухарь на завалинке. Он вроде не ухарь. Вроде охранник в солидной фирме. Смотрел на меня, так словно облизывал – с головы до ног. Ну и тип... Даже не спросил у меня документы, не позвонил осведомиться – я же все-таки к президенту фирмы иду, а не...»

Я прошла гулкий коридор до конца. Вдоль стен коридора тянулась галерея запертых дверей – с прибитыми табличками, на которых были выгравированы номера.

«Кабинета президента здесь нет, – подумала я, – наверное, у него-то дверь – если не обита кожей, то хотя бы снабжена табличкой – с указанием фамилии, имени, отчества и должности. Только вот где эта дверь? Не возвращаться же мне к этому уроду-охраннику, чтобы спросить...»

Коридор вовсе не заканчивался тупиком. Я толкнула широкую стеклянную дверь – она не оказалась заперта – и вышла на лестницу.

Позади меня раздался короткий веселый свист. Это еще что за новости?

Обернувшись, я увидела, что охранник, приняв позу загулявшего колхозника, вольно облокотился на свою конторку – смотрит на меня, чему-то посмеиваясь. Конечно, это он мне свистел, кто же еще...

– Эй, красавица! – пробасил охранник. – Тебе на третий этаж и налево. Там увидишь – дверь такая большая... Давай! – он снова свистнул, как Соловей-разбойник, – счастливо!..

– Ненормальный какой-то... – пробормотала я, поднимаясь по лестнице на третий этаж. – Наверное, его и оставляют дежурить, когда в здании почти никого нет – вечером в субботу, например – как сейчас – или в воскресенье, или в праздники... А этот президент Гольдман Михаил... как его по батюшке... Гольдман Михаил Саулович – значит, человек настолько занятой, что нашел время принять меня только вот сейчас. А будние дни у него все заняты. Это хорошо – с деловым человеком приятно работать...

Двери в приемную была приоткрыта. Секретарши нигде не было видно – рабочий стол был прибран, никаких бумаг, ничего. Только выключенный компьютер и аккуратная карандашница.

– Тоже домой ушла, – решила я, – рабочий день у сотрудников фирмы закончен.

Не задерживаясь, я прошла прямо к двери с соответствующей табличкой и постучалась.

– Да-да, – немедленно ответили мне, – проходите, пожалуйста. Садитесь, – сказал мне довольно молодой человек с тонким шнурком черных усиков под длинным немного крысиным носом, – вот сюда, в кресло.

Я уселась в кресло напротив стола. Михаил Саулович – а это был, несомненно, он – несколько секунд внимательно всматривался в мое лицо, потом сдержано улыбнулся и заглянул раскрытый еженедельник.

– Ольга Антоновна, – прочитал он, – рекламное агентство «Алькор». Минута в минуту. Ценю точность.

– Я рада, – улыбнулась я.

– Михаил Саулович, – быстро представился он, прекрасно, наверное, сознавая, что никакой нужды в этом нет – просто из элементарной вежливости, – вы извините, что я назначил встречу в такой... неурочной час, но... я так занят сейчас, – заговорил он, откинувшись на спинку кресла. – Фирма только-только начала работать, компетентных сотрудников пока немного, так что почти все приходится делать самому... Ответственность-то перед моими

западными коллегами целиком на мне... М-да. Давайте, перейдем прямо к делу. Времени у меня... – он посмотрел на свои наручные часы, – совсем мало – через час еще одна деловая встреча, да и у вас, скорее всего, какие-нибудь дела...

– Почему вы так решили? – поддержала я пока еще не совсем официальный разговор.

– Ну... как... – Михаил Саулович снова улыбнулся, – молодая девушка. Молодая, красивая девушка, – поправился он.

– Спасибо, – сказала я, а Михаил Саулович стер со своего лица улыбку и положил руку на объемистую папку, лежащую на столе, справа от него.

– Вот здесь, – сказал Михаил Саулович, – подробное изложение рекламной концепции моих зарубежных коллег. Вы, как мне сказали, настоящий профессионал, так что должным образом обработать эти материалы для вас, я думаю, не составит никакого труда.

– Спасибо, – снова сказала я.

– Честно говоря, – признался Михаил Саулович, – я в эту папку так и не заглядывал – замотался с другими делами. Но в целом рекламную концепцию предприятия я, конечно, представляю... Вы посмотрите, позже мы с вами встретимся и поговорим. Поделимся, так сказать, впечатлениями. Когда вы будете готовы для разговора. Завтра? То есть, извините, послезавтра?

Я с сомнением посмотрела на пухлую папку. Работы здесь было, по меньшей мере, дня на три-четыре. Это, если не заниматься другими делами. Но ведь оперативность в бизнесе цениться прежде всего... После качества, конечно.

– Во вторник, – сказала я, – задание ответственное, так что, я думаю, лучше не спешить. Или в среду.

– В среду, – попытожил Михаил Саулович. – Спешить и правда не стоит, но нужно... как бы это... поторапливаться.

– Сделаем! – с готовностью ответила я.

– Теперь еще... – Михаил Саулович наскоро пролистал свой еженедельник, – ага, вот... Я бы хотел осведомиться у вас относительно расценок.

– Пожалуйста, – проговорила я, – итак...

* * *

Славик какое-то время задумчиво теребил массивный золотой крест на своей груди. Потом он глянул на часы и откровенно зевнул.

– Скучно, – молвил он, ни к кому из присутствующих в комнате специально не обращаясь, – и долго наш гость будет мне мозги парить?

Сразу после того, как эти слова растаяли под низким потолком темного полуподвального помещения, раздался звонкий хлопок сильной пощечины, а спустя еще секунду – тоскливое хныканье.

Славик поднял глаза на того, кто стоял прямо перед ним.

– Говорить будешь или как? – спросил он.

– О чем говорить-то? – всхлипывая, забормотал низенький человечек в черном деловом костюме, уже кое-где порванном и запачканном подвальной пылью; руки коротышки были скованы за спиной наручниками, а по бокам стояли два молодых человека с традиционно-бульдозным выражением на гладких лицах и настороженно следили за интонациями и жестами своего босса – определяя, когда, с какой силой и в какие места бить втиснутого между ними человека.

– Он не знает! – притворно всплеснув руками, вздохнул Славик. – Он забыл, о чем ему нужно мне рассказать! Он у нас забывчивый.

Славик едва заметно подмигнул одному из молодых людей, и коротышка незамедлительно получил звучный удар по уху.

– Теперь вспомнил? – поинтересовался Славик.

Коротышка несколько секунд мучительно морщился, явно страдая от непереносимого звона в ушибленном органе слуха, потом ответил, с трудом двигая разбитыми губами:

– Мне про Захара ничего не известно... Они никогда никому про себя ничего...

Коротышка с хрипом втянул в себя порцию воздуха и немедленно получил страшнейший удар в глаз, отчего его лицо сразу залила хлынувшая из рассеченной брови кровь.

– И долго ты нас будешь еще мучить? – осведомился Славик, закуривая дорогую сигарету. – Вы посмотрите, какой изверг! Фашист прямо! Гитлер. Ну-ка, Лысый, хватит, играть с ним. Сделай ему по-настоящему больно.

Коротышка коротко вскрикнул, закашлялся и, отхаркиваясь кровью на земляной пол что-то неразборчиво забормотал.

– Что-что? – переспросил Славик, с удовольствием затягиваясь. – Нихт ферштейн, майн фюрер. Говори, падла, нормально!

– Я правда... ничего не знаю... – хрипнул гаснущим голосом коротышка и снова уронил голову.

Молодые люди посмотрели на Славика, ожидая дальнейших приказаний. Славик тяжело вздохнул и резким щелчком отшвырнул от себя недокуренную сигарету. Минуту он сидел совершенно неподвижно, а потом его взорвало.

– Сука! – заорал он, вскакивая со стула. – Ты чего, гнида магаданская, мне втираешь здесь, а? Да я тебя, сучара бацильная, на куски порву, понял? Гандон! Хватит дуриком прикидываться! Когда Захар появлялся здесь полтора года назад, кто на него работал? Скажешь, не ты, пидарасина? Кто, как крыса бегал, ему информацию собирал? Ты! Ты, падла, ты! А теперь, когда я точно знаю, что Захар снова в городе, ты говоришь, мне, что его не видел! Да мне лучше других известно, что Захар постоянно пользуется твоими наводками крысиными! Это ведь ты у нас, крыса, везде шныряешь и все вынюхиваешь! Штирлиц сраный! Колись, урод, где сейчас Захар находится! Сука! Сука! Сука!

Славик, встrepанный и красный, подбежал к поддерживаемому молодыми людьми коротышке и несколько раз сильно ударил его по лицу.

Тяжело дыша, Славик навис над едва шевелящимся на человеком и медленно разжал окровавленные кулаки.

– Ну все, урод, – тяжелые и полные смертельной угрозы слова закапали на избитого, как воск с оплавающейся черной свечи, – если сейчас не начнешь говорить – тебе пиздец. Понял?

Очевидно, для того, чтобы убедиться, понял ли его коротышка или нет, Славик присел на корточки и, брезгливо сморщившись, повернул к себе окровавленное и распухшее лицо коротышки – заглянул в его глаза.

Коротышка, мучительно кривя рот, что-то прохрипел.

«Не... знаю», – разобрал Славик его слова.

– Шеф, – прозвучал голос одного из молодых людей, – да этот фуфел и в натуре не знает ни хрена. Был бы он в курсе расклада, так хоть чего-то вякнул бы... Там... стрелки перевел на кого-нибудь... А то заладил – не знаю, не знаю... Кончать его надо – он тут не при делах...

С трудом подавив новый приступ бешенства Славик прищурился и вдруг понял все.

«Знает он все. Все он знает. Он и не скажет мне ничего, – думал Славик, внимательно изучая трясущееся от страха и боли лицо коротышки, – потому что он меня боится меньше, чем Захара. Но он ведь знает, что я его сейчас пристрелю, если он... Так почему он молчит? Чем пригрозил ему Захар? Что может быть хуже смерти?»

Славик выпрямился и вытер руки о куртку одного из молодых людей.

– Хер с ним, – сказал он глядя на скулящего на полу коротышку, – не хочет душу облегчить перед смертью – не надо. А кончать его так и так придется – достал он уже всю братву до смерти. Косого кто заложил мусорам? А стрелку с татарами кто сдал?

Славик сплюнул и снова полез за сигаретами. Вытащив пачку, он хотел было закурить, но обернулся к спокойно стоящим позади него молодым людям.

– Чего ждете-то? – буркнул он и, прикуривая на ходу, направился к железной двери, ведущей из комнаты прочь.

Выстрел глухо донесся до него только тогда, когда массивная дверь захлопнулась, навсегда отрезав коротышке путь к солнечному свету.

Славик поднялся к себе в офис и, приказав секретарше ни при каких условиях его не беспокоить, уселся за свой стол, крепко сжав руками голову.

– Вот черт, – пробормотал он сквозь зубы, – последняя ниточка оборвана. Наверное, не надо было этого козла валить, поработали бы с ним, может, чего он мне и сказал бы. А сейчас? Я точно знаю – Захар вернулся и явно прокручивает новое свое дело. Какое? И где он сам находится? Мои братки весь город перевернули – никаких следов. Как сквозь землю провалился, падла... Второй день они его уже вытаптывают... Что же делать? Где искать Захара?

Славик от бессильной злобы зарычал. Он стремительно поднялся с кресла и подошел к окну. Снова закурил, но тотчас затушил сигарету в пепельнице.

– А ну-ка... – сказал он сам себе и достал из заднего кармана джинсов потертую записную книжку – ту самую, которую он совсем недавно отобрал у коротышки.

– Покойничек несколько дней назад встречался с Захаром, – задумчиво проговорил Славик, вертя в руках книжечку, – собирал для него сведения, как обычно. Иначе зачем было ему с Захаром-то встречаться? А сведения эти могут помочь мне в поисках...

Недоговорив, Славик открыл книжку и быстро перелистал ее. С минуту, примерно, он шелестел порядком замасленными страницами, потом страшно выматерился и швырнул книжку в стену.

– Каждый листик исписан сверху донизу, – прохрипел он, – а половина страниц вообще вырвана. Фамилии, имена... Адреса... Сотни две наберется. Не могу же я проверять адреса все эти...

Славик вернулся за свой стол, достал из ящика початую бутылку виски, поискал стакан – не нашел и отхлебнул прямо из бутылки. Отхлебнул еще раз и отставил бутылку в сторону.

«Вот дерьмо, – мрачно думал он, вертя в руках тяжелую дорогую ручку с золотым пером, – сколько еще попотеть придется, что этого Захара отыскать. И главное – никаких зацепок не осталось. А на полпути останавливаться нельзя. Не справиться с делом, которое сам же и затеял, значит – потерять уважение пацанов... Интересно, откуда у меня эта ручка? Подарил кто-то... Да, нет, никто вроде не дарил. Дарили б – я запомнил бы. До хрена, наверное, стоит... Ручка. Ручка...»

– А-а... Бля-а-а! – радостно заорал Славик, снова вскакивая со стула. – Это ж я из кармана у крысеныша вытащил!

Он свинтил колпачок и черкнул ручкой на первой попавшейся бумажке. благородный фиолетовый цвет дорогих чернил здорово отличался от цвета чернил обычных. Славик метнулся в угол кабинета, подобрал книжку и раскрыл ее на последней странице, исписанной вдоль и поперек карандашами, ручками и фломастерами всех цветов и модификаций.

Ругнувшись сквозь зубы, Славик стал терпеливо перелистывать книжку, надеясь найти запись, сделанную ручкой с золотым пером. Ручка была совсем новая, и легко можно было предположить, что записи, сделанные ею, относились к тому делу, которым занимался коротышка последнее время...

– А последнее время он работал на Захара! – свирепо захохотал Славик.

Славик пролистал всю книжку, но следы чернил ручки с золотым пером обнаружил только в одном месте – там, где из книжки было вырвано несколько листов, на торчащем из переплета обрывке осталась фамилия с инициалами:

«Чернобуков А. В.»

– Чернобуров А. В., – повторил Славик, – не такая уж распространенная фамилия. Найдем. Весь город прочедем, но найдем.

Он откинулся в кресле и с удовольствием закурил.

– А я ничего... – вдруг проговорил он, глядя в потолок, к которому поднимались струи синего дыма, – не дурак совсем. Прямо как этот... Как его... Как Шерлок, бля, Холмс... – и усмехнулся.

* * *

Шофер Витька снова пошевелил пальцами прикованной наручниками к батарее руке.

– Я же вам говорю, – проскулил он, – я просто отвез Петра Ивановича на ту дачу, а потом он отослал меня обратно... Сказал, сиди в гараже и жди меня. А домой, мол, и не суйся. Так и сказал...

– Так и сказал? – не без иронии переспросил опер, закидывая ногу на ногу.

– Ага, – закивал Витька, – вы бы, гражданин начальник, руку мне того... освободили. А то она совсем затекла. Я же не преступник какой... А вы меня – из гаража прямо, да в наручниках сюда...

– Заткнись, – беззлобно оборвал его опер, устраиваясь на стуле поудобнее, – скажи спасибо, что сюда тебя привезли, а не в камеру сразу. Там бы ты недельку попарился с урками, потом бы живо раскололся. Понял? В последний раз спрашиваю – где твой босс?

«Все, – тоскливо подумал Витька, пытаясь разогнуть совсем омертвевшие пальцы, – попал я. Это Римма Михайловна позвонила друзьям Ивана Петровича и попросила найти мужа. Запаниковала – он никогда больше, чем на час не опаздывал. А я до утра сидел в гараже, его ждал. Пока менты не прикатили. У Ивана Петровича крутые друзья, у него дела с ними большие... Они теперь меня мордовать будут, пока что-нибудь не прояснится. А что проясниться, если я ничего не знаю? Вот говорил же я Иванычу – не надо было ехать на встречу на ту... Так и погиб он через свою жадность. И меня сгубил. Захотят менты – буду я на нарах свой век доживать. Надо же им на кого-то преступление повесить...»

– Слышь, ты! – повысил голос опер. – Чего замолчал?! Я с тобой разговариваю или где? Отвечай на вопрос, гад!

– Какой? – пискнул Витька, который, увлекшись своими безрадостными мыслями, вопрос прослушал.

– Я два раза не повторяю!

– Но ведь не слы...

– Повторяю! – взревел опер. – Я два раза не повторяю! Где твой босс?

– Да не знаю я! – воскликнул несчастный шофер. – Я вам уже рассказал, как все было. Съезди... съездите на ту дачу и там его ищите. Я его последний раз там видел.

Опер вздохнул и погладил себя по пухлым, гладко выбритым щекам.

«Неправильный обмен веществ у него, наверное, – неизвестно к чему подумал Витька, – вон рожа какая красная. А еще орет. Как удар его хватит, как помрет он – что же – мне еще и за этого мусора отвечать? Господи, да за что же мне такое?»

– Ты хватит шлангом прикидываться, – заговорил опер уже поспокойнее, – на ту дачу, которую ты нам указал, мы уже съездили. Ничего там нет. Зброшенный поселок там, понимаешь, нет?

– Следы от костра должны были остаться, – робко предположил Витька, – следы от костра и от шин. Моя тачка там была и тачка этого... бандита. Он здоровый такой был – весь в золотых цепях... страшный.

– Вот гонит, – усмехнулся опер, – книжек начитался, да? Мариной Серовой увлекаешься? Страшный бандит в золотых цепях...

Опер поднялся со своего стула, и Витька вдруг заметил, что он очень маленького роста. Опер близко-близко подошел к прикованному Витьку и какое-то время мерил его ненавидящим взглядом.

– Слышь, ты... – злым и придушенным голосом проговорил милиционер, – наши ребята весь поселок излазили. Ни на одной дачи никого не было... больше месяца. Везде пыль в палец толщиной... Никаких следов от шин, никаких следов от костра – ни на одном дворе, ни на одной дороге. Понял? Ничего там нет. Есть – охрана, которая божиться, что никого вчера не было, и вообще – земля, на которой стоит этот поселок, куплена – там коттеджи будут строить – и строго охраняется отделом вневедомственной охраной. Там ни одна мышь не проскользнет, а ты говоришь...

– Я знаю! – воскликнул вдруг Витька. – Эти... которые из вневедомственной... они и украли моего босса! Они, они! Больше никому! И тот бандюга был просто охранник переодетый! Да, да! – осененный своей догадкой, Витька попытался было вскочить со стула, но получив крепкий тычок в ухо, ойкнул и опустился обратно.

– Ребята из вневедомственного с нашим полковником повязаны, – заложив руки в карманы, пояснил опер, – ихний начальник с нашим полковником – старые друзья. Вместе в юридическом учились. Так что... не получилось у тебя соврать, понял? Охранники просто не могли похитить твоего босса и обманывать полковника они тоже не могут – сказали, что вчера в поселке никого не было, значит, никого не было.

– Как это?... – прошептал Витька, широко распахнув глаза. – Я же точно видел...

– Не знаю, что ты видел, – проговорил опер и вернулся за свой стол, – пока что – все, что ты говоришь, полная херня. Поверить тебе может только идиот... Уж, если врешь, то врал бы хоть правдоподобнее... – добавил опер, чуть отвернувшись в сторону.

Витька что-то хотел успеть, но не успел.

– Итак, – сказал опер, подняв вверх кривой палец, увенчанный внушительной бородавкой, – получается у нас следующая картина. Ты – выманив своего босса из дома под каким-то предлогом – увез его... куда-то... и передал... каким-то людям. А теперь тень на плетень наводишь, пытаешься пустить следствие по неверному следу.

– Да я же вам говорю! – заскулил снова Витька. – Всю правду вам говорю, а вы...

– Замолчи! – заорал опер, и лицо его начало покрываться бурными пятнами. – Не выводите меня из себя, гнида! Ты – последний, кто видел Петра Ивановича, ты – главный подозреваемый! Думаешь, мы все дураки здесь? Поверим в твои идиотские рассказы о страшных бандитах? Все... – устало выдохнул опер и опустил руки. – В камеру. Посидишь сутки, подумаешь, глядишь и правду начнешь говорить. Фертшейн, придурок?

– Подождите... – у Витьки неожиданно сперло дыхание и только колоссальным усилием воли он заставил себя говорить, – это что получается... Меня теперь посадят? Я же невиновный совсем...

Опер усмехнулся.

– Ты знаешь, какие друзья у твоего босса? – понизив голос спросил он. – Ты знаешь, кто сегодня утром звонил нашему начальству? А? Ты знаешь, какой хай подняли из-за твоего Ивана Петровича, а? Эта его... жена психованная на нашего полковника два часа орала, а он сидел, как оплеванный. Полковник! Офицер! А ты про себя что-то квакаешь... Гнида болотная. Да из тебя, если понадобится, сведения будут скальпелем выковыривать, понял? Невиновный он. Для всего нашего отдела сейчас главное – либо найти твоего босса, либо... посадить кого-нибудь. А то... нас самих попрут с работы...

Витька крепко зажмурился. Ущипнул себя за прикованную руку и, не ощутив боли, обрадовался.

«Это сон! – решил он. – Сейчас проснусь и ничего не будет. Ни ментовки, ни этого страшного опера, ни ужасающей перспективы тюремной отсидки...»

Он открыл глаза. Опер снова стоял прямо перед ним – близко-близко.

– Значит так, – сказал он, – посидишь в камере и поразмышляешь... А я пока подготовлю наряд. Скоро тебя, голубчик повезут в тот самый поселок. И если ты и там будешь мне фуфло загонять про бандитов у костра, я тебя тогда, ублюдка!..

Не договорив, опер сунул под нос шоферу Витьке густо покрытый рыжими волосками кулак.

Глава 3

– А мы тебя уже полчаса тут ждем! – радостно закричал Васик, когда я вышла из здания.

– Я целый час отсутствовала, – заметила я.

– Ага, – подтвердил Васик, – мы полчаса покатались, а потом снова сюда подъехали. Я как знал, что ты скоро освободишься! Садись!

Я уселась на сиденье рядом с водительским. Васик плюхнулся следом и с грохотом захлопнул дверцу со своей стороны – видно, он уже вполне освоился в своем новом автомобиле и относился к нему не так трепетно, как, скажем, час назад. Быстро он привык...

– Знаешь, Оль, – подала голос с заднего сиденья Даша, – а Васик все-таки выпил...

– Ну уж и выпил, – немедленно отреагировал Васик и шумно икнул, – так... губы помазал...

– Правильно, – сказала я, – теперь понятно...

– Что – понятно? – спросил Васик.

– Два часа назад ты на свою машину дыхнуть боялся, а теперь дверью грохочешь так, что крыша едва не обваливается, – объяснила я.

– Ничего подобного! – горячо возразил Васик и снова икнул. – Выпил я для того... Ну, чтобы чувства меня так не распирали. Короче, от радости выпил. А что – менты меня сегодня целый день не останавливали, значит и дальше останавливать не будут... Тенденция! – после небольшой паузы изрек Васик.

– Ну-ну, – снисходительно отозвалась Даша. Видно, ей, как и мне, кстати, логика Васику показалась сомнительной.

А вот Васик...

Васик хмыкнул и повернул ключи в замке зажигания... Через полчаса мы неторопливо катили по вечерним улицам Москвы, то и дело застревая в пробках и на светофорах.

– Нет, – сказал заметно поскуцневший от такой езды Васик, – это не дело. Совсем не дело. Так никогда не ощутишь... как это... биение жизни. А в такой тачке, как моя, мне только и хочется, что – ощущать биение жизни.

– И что ты предлагаешь? – спросила я. – Час пик, все дороги забиты под завязку. Неужели у твоего чудо-автомобиля есть функция перемещения в безвоздушном пространстве?

– Нет, – признался Васик, – но попрошу не забывать, что я прирожденный водитель. Сейчас вы увидите фигуры высшего пилотажа, я буду...

– Не надо! – попросила Даша. – Тише едешь – дальше будешь... Васик, не надо никаких фигур, пожалуйста. Я лично никуда не спешу.

– Ольга спешит, – сказал Васик, поглядев на меня.

– Я не спешу, – заверила я – снова, словно черная пелена на миг застила мне взгляд, а в голове загудели тяжелые колокола, будто предупреждая о чем-то... Мне показалось, что на мгновение чудо-автомобиль Васику превратился в средневековую камеру пыток. Все это накатило на меня настолько неожиданно, что я едва не крикнула Васику – едва не попросила его немедленно остановить машину и высадить меня.

– Ты же сама говорила пять минут назад, что тебе скорее нужно домой – работать над какими-то там документами, – напомнил Васик.

– Полчаса ничего не решат, – с трудом выговорила я, – и вообще – если ты, Васик, собираешься опять фигурировать, то я лучше не метро поеду. Да... На метро...

– Никакого метро! – ухарски воскликнул Васик. – Сейчас вы увидите, как...

Он недоговорил. Он вдруг резко крутанул руль и проскочил в небольшой прогал в соседнем ряду машин – и выбрался на тротуар.

– Васик! – взвизнула Даша.

– Василий! – вскрикнула и я. – Останови, я выйду!

– Спокойно! – заорал Васик, сворачивая с тротуара в какой-то двор. – Этот район я знаю, как свои... пять пальцев. Если дворами пробираться, то в сто раз быстрее доедем, чем по проезжей части. Вы уж на меня положитесь... А там еще и парк впереди, можно будет прямо по аллеям... По аллеям ведь машины не ездят...

– Зато там пешеходы ходят! – закричала Даша. – Еще не хватало, чтобы ты задавил кого-нибудь. Останови немедленно машину!

Васик ничего не это не ответил. Он был занят тем, что выравнивал машину, пытаясь пересечь двор, куда мы заехали, и не задеть при этом ни старух, гуськом плетущихся по тропинке, ни мусорные баки, громоздившиеся чуть ли не в самом центре двора.

Когда ему это удалось, и мы вылетели на какой-то бульвар, едва не зацепив передним бампером лавочку, он шумно выдохнул, как водолаз, после подъема из водной стихии и, осклалившись, крутанул руль вправо.

Меня швырнуло на дверцу, Даша вскрикнула на заднем сиденье, а Васик расхохотался.

– А вы боялись! – закричал он. – Еще два поворота – и мы в парке! Эх, мусоров бы по пути не встретить...

С этими словами он снова крутанул руль, одновременно выворачивая голову, чтобы посмотреть, что располагается у него сбоку и тут наш автомобиль основательно тряхнуло – мягкое кресло подбросило меня вверх – так, что я довольно сильно ударила головой о потолок машины. Завизжали тормоза и все стихло. Мы остановились. Кажется, от удара головой я на мгновение потеряла сознание, потому что действительность обрела свои истинные очертания только спустя несколько секунд после нашей вынужденной остановки.

Я осторожно покачала головой – мир на несколько секунд потускнел и съезжился до полного неузнавания.

– Господи... – услышала я Дашин шепот, – что это было? Неужели мы в живых остались?

Васик вполголоса выматерился и заглушил мотор. Потом посмотрел налево. Я тоже посмотрела туда, куда он повернул голову и поняла, что случилось – когда Васик выруливал с бульвара, намереваясь пересечь проезжую часть, то не заметил, что по этой самой проезжей части двигался большой красный джип. Водитель джипа тоже не успел среагировать и боднул тупым рылом своей машины Васинову красавицу в бок.

«Хорошо еще, – подумала я, – что джип двигался не так быстро... А то – исход мог бы быть печальным... Летальным мог бы быть исход... Не обмануло меня предчувствие, все-таки...»

– Что? – переспросила Даша, и я поняла, что эти свои мысли незаметно для себя произнесла вслух.

– Между прочим, – странным голосом проговорил Васик, посмотрев на меня, – исход и сейчас может быть летальным. вы посмотрите, какие рожи из этого джипа выбираются...

Я посмотрела, и моя голова, едва не расколовшаяся от сильного удара о потолок машины, загудела еще сильнее. Из джипа, столкнувшегося в Васиновой машиной, один за другим вылезли три кавказских богатыря, каждый из которых был больше Васику по – меньшей мере – раза в три.

Один из кавказцев остановился у разбитого бампера машины, злобно сплюнул и заголосил неожиданно тонким для своей комплекции голосом какие-то непонятные слова, в некоторых из которых, впрочем, довольно довольно легко было узнать исконно русские матерные корни...

Двое кавказцев двинулись к нам. На одном из них красовалась высокая папаха, а голова другого была брита наголо.

– Мама, – сказал Васик и слотнул.

– Выходи, – сказала ему Даша, – никуда теперь не денешься. Только не хами им, пожалуйста... Скажи, что виноват, извинись и пообещай все-все расходы им оплатить. Не зли их... А то такие гориллы еще и убьют, пожалуй. Улочка здесь тихая, бульвар рядом, никого вокруг нет...

– Даже ментов, – сдавленным голосом проговорил Васик, – вот, когда не нужно, они тут как тут. А как появиться вовремя на месте происшествия, так их нет... Не собираюсь я этим чуркам хамить... Я их боюсь.

Васик выбрался из машины и развел руками, очевидно, показывая, как ему жаль, что все так получилось.

– Братаны! – проникновенно заговорил он. – Как мне жаль, что все так получилось...

Кавказцы некоторое время молчали, очевидно, соотносили шикарную автомашину и нелепую долговязую фигуру длинноволосого Васи́ка.

– Так не делают, братан, – довольно нейтральным тоном проговорил один из кавказцев.

Наверное, дети гор все-таки решили, что такие чудо-автомобили их владельцам просто так не достаются, и Васик, хоть и выглядит – по их понятиям – странно, но он, скорее всего, чего-то стоит – по их понятиям – или крыша у него есть нормальная или...

– Конечно, не делают, – обрадованный тем, что его не пристрелили на месте, сказал Васик, – понимаете, такая херня вышла – жабанул я водяры немножко, а потом вот... – он обернулся и указал на меня, – девушку повез домой – она опаздывала, ну и...

Один из кавказцев – тот, что был в папaxe – провел ладонью по своим гладким усам и отошел к джипу. Второй укоризненно посмотрел на Васи́ка и промолвил:

– Ментов вызывать не будем, конечно?

– Да как можно! – всплеснул руками Васик.

– Сами будем разбираться? – спросил еще кавказец.

Васик стоял вполоборота ко мне – и по выражению его лица было прекрасно видно, как не понравилось ему слово «разбираться».

– А чего там разбираться-то? – пожал плечами Васик. – Давай посчитаем, сколько я тебе должен и разбежимся. Делов-то...

Кавказец с минуту, примерно, внимательно смотрел на Васи́ка, а потом вдруг весело рассмеялся, широко разинув белозубую пасть. Он обернулся к своему соотечественнику – тому, что был в папaxe – и что-то прокричал на никому не понятном языке.

Кавказец в папaxe, судя по всему, был в этой тройке главным. Нахмурившись, он тоже довольно долго изучал тосковавшего под пронзительными взглядами горцев Васи́ка, потом усмехнулся и утвердительно кивнул.

– А знаешь, что они сейчас сделали? – проговорила вдруг Даша.

Я даже вздрогнула от неожиданности.

– О чем ты?

– Я о хачиках, – пояснила Даша, – вначале, когда Васик только вылез из своей машины, они колебались – не знали, как вести разговор – проще говоря – на чем строить базар. А когда Васик сам заговорил о том, что все оплатит, они все поняли...

– Что – поняли? – я все никак не могла уяснить, о чем говорит мне Даша.

– Ну... определили социальный статус Васи́ка, – сказала Даша. – Обыкновенные люди, которых можно раскрутить на бабки, на таких тачках, как у Васи́ка, не ездят. Вот кавказцы и опешили сначала... А потом поняли, что Васик – это лучшее, что у них случилось в жизни – сынок богатого папаша. Представляю, сколько они ему назначат... Да еще и машину отберут, пожалуй.

Васик и бритоголовый кавказец отчаянно торговались. Васик размахивал руками, как ветряная мельница и во все горло вдохновенно врал, что всю жизнь живет на одну зарплату в

триста рублей, а машину сконструировал его дедушка – известный авиаконструктор и изобретатель парового двигателя Александр Сергеевич Попов.

Кавказцы откровенно покатывались со смеху.

– Это хорошо, что они смеются, – заметила Даша, – значит, конфликт дальше не пойдет... Разойдутся с миром. Послушай, Ольга! – воскликнула она вдруг. – А ты сможешь в случае чего нейтрализовать этих горилл? Ну... используя свои экстрасенсорные способности?

Головная боль, кольцом сдавившая мне голову после удара о потолок машины, совершенно измучила меня. Шишка, которую я нащупала минуту назад, теперь увеличилась по меньшей мере вдвое.

– Вряд ли, – проговорила я, растирая пальцами себе виски, – пощупай, какая у меня на затылке шишка...

– Ого... – проговорила Даша, осторожно дотронувшись пальцем до моей головы, – то есть, ты вообще сейчас не способна ни на какие действия?

– Теоретически способна, – сквозь зубы – чтобы не застонать от боли – проговорила я, – только мне будет очень сложно сконцентрироваться... Но ведь пока ничего сверхординарного не происходит. Стоят, смеются. Торгуются о цене...

– Ну а, если вдруг?... – тихо спросила Даша.

– Посмотрим, – ответила я и вдруг почувствовала легкую тошноту.

«Ну все, – подумала я, – сотрясение мозга мне обеспечено. Хорошо еще, если легкое... Спасибо Васику... Как мне сегодня работать, если голова прямо-таки раскаляется от боли? Перед глазами круги плывут... Интересно, смогу ли в самом деле использовать свои экстрасенсорные способности в том случае, если кавказцы вдруг сменят милость на гнев и решат, что, например, что в качестве откупа неплохо будет взять в плен меня и Дашу? Увезти в какой-нибудь горный аул и заставить пасти овец...»

Мысль это вспыхнула и угасла в моем сознании, но что-то вдруг неуловимо изменилось вокруг меня...

Городские улицы вытянулись и превратились в зеленые равнины, многоэтажные дома стали еще выше, и скоро я с удивлением заметила, что не дома это вовсе а высоченные горы, с вершинами покрытыми снегом.

В открытые окна нашей машины пахнуло свежестью, запахами каких-то трав. И, если я не ослышалась, издали донеслось овечье блеянье...

«Все, – мелькнуло у меня в голове, – приехали... У меня галлюцинации – явно вызванные черепно-мозговой травмой... Спасибо Васику за...»

Додумать эту мысль я не успела, потому что позади меня раздался испуганный вскрик и, обернувшись, я убедилась, что – во-первых – я до сих пор сижу в машине Васику, а во-вторых, на заднем сиденья находится Даша.

– Ольга! – вскрикнула Даша. – Что это такое вокруг?... Куда мы попали?... Это Кавказ? Нас похитили?

– Пока нет, – сказала я, – просто это... это...

– Что?

– Погоди, погоди...

Я попыталась сконцентрироваться и изменить окружающий меня пейзаж – несколько минут полнейшего напряжения всех моих сил привели только к тому, что горы отодвинулись еще дальше, а на горизонте показалась широко раскинувшаяся по зеленой равнине отара овец – теперь блеянье слышалось отчетливо, собаки еще лаяли...

– Оля! – закричала Даша. – Что происходит? Объясни мне – это ты делаешь?

«Спокойно, Ольга, спокойно, – беззвучно проговорила я, – сейчас ты успокоишься и галлюцинация прекратится сама собой...»

– Черта с два! – закричал внутри меня непонятно откуда появившийся голос. – Ты же не можешь управлять своими галлюцинациями – попытка выбраться отсюда привела лишь к пространственному перемещению внутри самой галлюцинации...

«Это так, – отвечала я сама себе, – но что – черт возьми – все-таки происходит?»

– Неужели непонятно? – усмехнулся тот же голос. – То, что люди, получившие серьезную черепно-мозговую травму, могут страдать галлюцинациями – факт общеизвестный. Но то – обыкновенные люди...

«Господи, – в ужасе подумала я, – моя галлюцинация – не совсем галлюцинация. Если я затащила в нее и Дашу, которая, кажется, головой не ударялось... это означает только одно – мое сознание, вооруженное исключительными экстрасенсорными способностями, получило основательную встряску и теперь выкидывает такие штуки... Самое страшное – это то, что у меня нет никакого контроля за моими галлюцинациями...»

– Ольга! – снова позвала меня Даша. – Мне страшно! Куда мы попали? Где Васик?

Я хотела ответить ей, что понятия не имею, где теперь Васик – и даже открыла для этого рот – но вдруг машину, в которой мы сидели, тряхнуло так, будто в нее снова врезался джип, мир вокруг вспыхнул ослепительным солнечным светом, а потом погрузился в крошечный мрак...

Когда я снова открыла глаза, то первое, что увидела – раскрытый до недопустимых человеческой природой пределов рот Васи́ка и изумленные рожи кавказцев – всех троих. Я огляделась и окончательно убедилась в том, что мы с Дашей вернулись обратно – на ту самую улицу, где джип врезался в вылетевший на проезжую часть автомобиль Васи́ка.

– Мамачки... – хрипло пробормотала с заднего сиденья Даша, – все кончилось... Что это было?

– Что это было? – эхом повторил Васик. – Вы... вы куда-то исчезли вместе с машиной. Прямо секунд на десять. А потом вдруг снова появились...

У меня снова закружилась голова. Опасаясь, что на меня свалится очередная галлюцинация, я вылезла из машины на свежий воздух.

Кавказцы, настороженно следящие за каждым моим движением, попятились.

– Ольга... – оглянувшись на них, шепотом позвал Васик, – это твои штуки?

– Д-да... – только и смогла ответить я.

– А почему ты меня с собой не захватила? – прошипел Васик. – Мы бы все вместе исчезли и все...

Несколько секунд я молчала, вдыхая такие привычные городские запахи.

– Не беспокойся, – так же – шепотом – сказала я, – эти дети гор, видно, здорово напугались. Теперь от нас отстанут – это точно.

Кавказцы, пятясь, отошли к своему джипу и принялись вполголоса взволнованно беседовать между собой.

– А что толку-то? – сказал Васик. – Стрелку мы все равно забили. И на бабки они меня поставили такие, что... Два джипа можно за эти бабки купить... Слушай, – помолчав, добавил он, – покажи им еще какую-нибудь фигню, чтобы они напугались окончательно и свалили отсюда на своем покоцанном джипе.

Я стиснула зубы и зажмурилась. На мгновение мне показалось, что на меня стала наваливаться очередная галлюцинация, но... Но это мне только показалось.

– Не стоит, – сказал я, – достаточно.

Кавказцы, наконец, закончили совещаться и стали рассаживаться в джипе.

– Братан! – крикнул кавказец в папахе, почему-то смотря на меня, а не на Васи́ка. – Так договорились? Завтра в десять утра на старом стадионе, так?

– Ага, – растерянно кивнул ему Васик, оборачиваясь.

– Только один приезжай, – подал голос бритоголовый, – мужской разговор будет. Когда джигиты разговаривают, женщины не вмешиваются...

Прежде, чем я успела перевести на него взгляд, он нырнул в машину и поднял стекло.

Джип взревел, развернулся и быстро укатил по дороге в том направлении, куда ехал до столкновения.

Мы одни остались на тихой пустынной улочке возле тенистого бульвара.

– Так, – закурив сигарету, проговорил Васик, – кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит?

– Нужно вести машину правильно, – мрачно проговорила я, ощупывая внушительную шишку у себя на голове, – тогда ничего непредвиденного случаться не будет.

– Да нет, – сказал Васик, – я не про аварию. Я про то, что ты сделала... Исчезла куда-то вместе с Дашей и моей машиной.

– Это не я сделала, – вырвалось у меня.

– Как это?! – в один голос воскликнули Васик и Даша.

– А кто тогда? – тут же спросила Даша.

– Кто? – эхом повторил Васик.

Я немного помолчала, собираясь с мыслями, прежде, чем ответить.

– Долго объяснять, – сказала я, – поехали скорее домой ко мне. Ужасно голова болит.

– Не скорее! – крикнула Даша испуганно. – Помедленнее поехали!

Васик качнул головой и, стрельнув недокуренной сигаретой в сторону, сел за руль.

Несколько минут мы ехали в полном молчании. Я слышала, как дребезжала разбитая задняя дверца с левой стороны.

– Слушай, – спросил вдруг Васик, – а если вас с Дашей не было здесь... Где вы были?

– Не знаю, – честно сказала я.

– Наверное, на Кавказе, – сказала Даша, – пейзаж больно характерный.

– Дела-а... – протянул Васик, – ничего не понимаю...

* * *

Двое оживленно разговаривали в несущемся по проезжей части джипе с помятым передним бампером.

– Надо было сразу валить оттуда! – в который раз закричал Гиви и ожесточенно поскреб бритую наголо голову.

– Вот и я говорю! – поддержал его огромный детина водитель неожиданно тонким для своей чудовищной комплекции голосом. – У меня чуть прямая кишка не выпала от страха, когда я увидел, что тачка исчезла...

– Растворилась в воздухе! – подтвердил Гиви, помотав голой головой. – А потом опять появилась!

– Вы меня знаете! – верещал водитель. – Я на любую разборку пойду без страха, я на мокруху пойду без страха – как настоящий мужчина... Но такие фокусы меня выводят из себя... Не-ет... Не надо было с ними стрелку забивать.

– Теперь ехать придется, – вздохнул Гиви, – за базар надо отвечать. Если не поедем на стрелу, нас уважать перестанут... Я вот что думаю! – заговорил он быстрее. – Как поедем на стрелку – надо будет взять братвы – человек двадцать – и распахать их по сиденьям на стадионе. Каждому дать по гранатомету. Как только тот волосатый на своей тачане появится – пусть каждый по разу выстрелит... И все. И тогда эта странная тачка исчезнет навсегда. И больше никогда не появится... Правильно, я говорю, Армен.

Молчавший на заднем сиденье Армен, поправил на голову свою высокую папаху и медленно выговорил:

– Нет, Гиви, не правильно...

– Почему? – недоуменно спросил Гиви.

– Потому что так мочить – без базара – только беспредельщики могут. А мы разве беспредельщики?

– Нет, – ответил Гиви, – но все же...

– Мы пол-Москвы держим, – не дав ему продолжить, снова заговорил Армен, – и если мы не будем соблюдать законы, что тогда начнется? Весь этот поганый город через неделю взлетит на воздух. Каждая вшивая тварь, которая волюну в кармане таскает, каждый паршивый шакал будет думать, что ему можно все и что законы соблюдать не нужно...

– Да нет, Армен, – не унимался бритоголовый Гиви, – я к тому говорю, что...

– Не спеши, – снова перебил его Армен, – с гранатометами-то мы всегда успеем... А вот нам бы узнать, кто они такие на самом деле. И как научились таким фокусам. А если и нам можно будет научиться?

Гиви минуту молчал, а потом оглушительно расхохотался.

– А-а! Правильно говоришь, Армен! Умнее тебя еще не было джигита! Да! Да! Надо волосатого за горло взять и тряхнуть посильнее! Он все и расскажет. А когда мы научимся быть невидимками... Ух!

Не находя слов для выражения своих чувств, Гиви потряс в воздухе кулаком – размером с средних размеров арбуз.

– Да, – просто сказал Армен и снова замолчал.

Гиви снова завел разговор с водителем, который принялся доказывать ему, что вариант с гранатометами не так уж плох, и что лучше было бы все непонятное и потенциально опасное уничтожать не глядя. Не рисковать, так сказать.

А Армен думал о том самом недавнем разговоре со Славиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.